

13 июня 1943 г.

Здравствуйтесь и много любите Вас!

Во-первых разрешите мне поздравить Вас торжественнейшим образом, а во-вторых поздравить Вас всего доброго. Вас со мной прощало ровно 24^е, как я расстался с Вами. Если бы Вы знали, как мне тяжело сейчас. Вскоре нашей семье с не забываемым нумером особенного к Вам, но займи все больше и больше вы окаривали меня. Вы своим знанием законов жизни людей, природы и своей гордой натурой. Вы смотрели вперед и это мне нравилось в Вас. Я люблю людей с сильными характером и всегда уважал их. Кроме этого Вы имеете прекрасную душу, а бы сказал ангельскую. В душе Вашей сердца имеет нестерпимые сокровища дружбы и любви. Вы мне нравитесь так, как никто никогда еще не нравился. Это повторюсь Вам, я своим своим опытом о Вашей красоте души и теле. Родившись в Ленинграде, прожил 26 лет, пережил океан и только тогда выйдете, да еще где, когда и кого, все это для меня ново и интересно. Я никогда не переживал так глубоко чувства дружбы, как только его сейчас к Вам. Все происшедшее произошло в бурные политические перемены. Подвигавшаяся армия и улетавшая армия улетела и улетела / от мировой войны и мои ноги должны были видеть на улицах революционные знамена, а уши слышать песни рабочих отрясающих от старого мира. С первых дней моего появления мне пришлось пережить нестерпимые трудности. Маме было очень тяжело и особенно тяжело, обречь и матерью. Катились дети в возрасте 5 месяцев и дошли к 6^{ти} месяцев возраста. Дети были одним дружным ментом. Сейчас мама тогда в Петрограде. Как по всей стране, а особенно в Москве и Петрограде было ужасный голод. Возле наших работ имел только отец, и он должен был своим могуществом кормить нас как хорошо он справлялся со своим обзоро системы можно видеть из-за того, что окупившись в эти трудности он начал ежедневно выискивать. Дома не было никаких средств и никакой муки хлеба. Когда я хотел кушать, а в это время именно хотел, то не получал этого и плакал по-детски. Я надевался майеру у нас у нее корзину хлеба, хотя она не могла дать ее мне. Много раз откуры - то доставала ее и дала нам детям, трудился ее по 6^{ти} часов, а сама не брала не крошки, справлялась только утешать нас. В такие моменты с переживала мамочка. Когда мама не могла мне дать крошки хлеба, а в ее просил в шкафу заворачивать, то она заворачивала хлеб в комбинату и в пакеты и давала их в дар, на крыше или просто на полу. Таким образом уходила еда в думных

спереди, хотя бы кое-что достать, а как дальше разводить
каждого по своим колхозам. Ухожу воровать: молиться
милые дочки Богу и он пошлет нам хлеба. Я молится
усердно и молитвы Богородицу и м. о.г.е. Нам и м. то
и дружит по-прежнему. Я так-же просил у господь Бога
по-дейски: Боже милый, дай муки белой, муки и.
Обычно мать вечером что-нибудь приносила; кусок хлеба
или двести сорожки, а мы дети были и этому очень
рады. В 1919 г. наша семья отправилась нас в деревню с
трудом пошлам достать билет на поезд. Мы почти были
едать в окрестностях Перми, где еще было более, мне
относительно хорошо. Мату с нами не поехали. Мы
проехали в ночь в сентябре месяце. До Перми денег
не смогли, так как там уже в то время было
введенные на вокзале Вятки. Красивая молодая
мужчина с большой семьей озабочен на краю провинции.
Купились в город, там же переехали, переехали в Вятку,
дойдя, а она в неурядице и в кругу друзей.
Все трудности опять были на ее пути. Она молодая,
она не сдалась, не побилась, а победила преодолев самые
темные моменты. Каждый день мать вставала на
вокзал свои вещи, а каждую ночь слова вставала на
улицу, так как по вокзалу заперыми были люди.
Во-время отправления семьи почти все переболели из-за
и другими заболеваниями. Мать в пути
потеряла самого маленького своего сына Петю.
Распространял все вещи на, цыганам, хлеб и т. д., мать
после долгих мучений в 1921 г. написала Дале
милую, что она больше не сможет терпеть, и
потребна или вынуждена будет выехать из себя
руки. В том-же году он приехал за нами, и мы
вернулись в родной город. Старая история что
кончилась семейной войной. В эту эпоху выжили
белобитые, - трудности продолжались. Первое же
года много очень тяжело, а затем два сезона поправи-
сь. В 1925 г. я переехал в село. В селе жизнь
хорошо, ухаживал меня хитрее за себя, но брались за
малости. Я был хитрым-малышом. В 1928 г. закончил
полный школьный курс, а после этого отдал один
год, занимаясь само-кружкой и в хит-кружке. В 1926 г.
получил в орден Ленина, Франца Краснознаменное
Войны - Военно-морское училище и м. В. Дружбу,
которое и окончил успешно в 1941 г. Все это началось
открытое на мой характер, если прибавить еще то, что
в 1941 году я потерял всех родных и близких.

Много вспоминают в каких условиях оказались сами, когда 2
какую-то блокаду немецкой армией моего города. В городе
не было ни хлеба, ни воды, ни транспорта, вообще все замерло
в холодную зимнюю пору. Умирали даже вспоминала об этом
говоря, немцы не убивали с больше моего сокола, немцы
не шло еще хотя бы один раз съездить кусок хлеба. Так
мне писал младший сестра Нина, которая после сама
погибла от этой страшной смерти. Я теперь мало люблю
большое всеобщее общество. Теперь я танцую уединенно или
с небольшой труппой, либо один. Я не могу поглотить
себя дружины. Я люблю свободу мысли, свободу возможностей.
В действительности я был поборником детских игр и забав.
Мне удавалось поглотить себя дружины и поглотительные
не казалось, что они умиляют себя. Но сам я никогда
не поглотил дружины. Я никогда не входил в компаниях
сам так занимал второстепенную роль. Товарищи
это понимали и не противились в большинстве случаев
моему желанию, но иногда дело кончалось дракой из
которой я обычно выходил победителем. Иногда я не хотел
никого видеть по целым дням и тогда уходил каждый
день в безграничные просторы природы. Мои большие
действительно очень сильно на товарищей и они первыми
приходили козлятинами в мой дом, куда именно их
привлекло. Очень часто я уходил ухаживать с девушкой
Тасей, которая была моложе меня на 4 года, но мы
с ней все время проводили время и были друг другу друзьями.
Но я любил ее только как друга и у меня не было
к ней никакой страсти. Она должна была стать моей
женой, но знала судьба и здесь прервала наш путь к
счастью. Я надеюсь, что со временем я ее полюблю и
буду любить много и долго. Тася погибла на границе
дорожке, наши с ней последние мысли. Между нами пол, лес
и снег. Я люблю тебя очень сильно, но здесь до смерти
серьезно мне. После этого с ней не больше не получено
ни одного письма. Это очень тяжело потерпеть близкого
друга, потерпеть любимого товарища. Потерять невесту,
знаю, что больше никогда не увидим ее золотистой
присыпкой, ее улыбок глаз и коралловых губ. Не услышим
ее голоса наполняющего пурпурные всеобщие ручки.
О! Все это очень тяжело, все это требует забвения и
уединения с другом которому можно довериться все.

которого можно взвешивать субъективно и количественно.
Но: можно лишь по-прежнему в таком виде
в каком она есть на сегодняшний день. Я могу быть
очень всемогущим но только при условии, что в ком-
пании есть женщины которых люблю мной и
дас которых я безразличен. Я очень часто не
разделяю общую семью, как я и круги мои мои
все всемогущие и всемогущие. В такие минуты
я с безразличной любовью созерцаю окружающее.
И пытаюсь наоборот, что все окружающее понимаю
в силу и пустоту, а у меня на сердце радость.
Я не люблю скрывать своих истинных чувств только
и женщиной красивой, а совсем наоборот не люблю
откровенности и признания. В красивой женщине я
вижу прелесть которую могут оторвать только
захватить и поглотить всею без остатка. Только
в созерцании совершенства прелесть и забываются
и становится обыкновенным человеком. Но и в минуты
красивой женщины я вижу совершенство, а только
тогда когда красота соединяется с умом. Я не люблю
молчать с красивой женщиной, меня в такое время
начинает злить все окружающее. Я люблю только
такую женщину в которой вижу горюющую красоту
с субъектом и умом. Женщину которая во время
беседы, во время более тесного общения отбрасывает
обычные чувства. Только такой женщиной я могу
быть всею самою себя. С этой женщиной я
чувствую, что похожу до конца на женщину счастья и
стандартности дней. Вообще субъект с такой женщиной
должен познакомиться с великой красотой, но
медленно заигрывать при полном забвении дружбы
и любви. В такие минуты ум мой достигает
наивысшего предела мышления, а все с кем горю своим
мнением. Я люблю одновременно приходить и отходить
чувств любви. Я не люблю долго дружить с женщинами
с какими-нибудь мимолетными чувствами. Я пытаюсь разорвать
связи с них. Я могу дружить или женщиной или
с более молодой или старшей женщиной.
Да, женщиной красивой и умной, но с душой
дас первого это просто так. Все пройдет как с белой
яблоком жемчуга.

Water is fine.

3

Вот мне нравятся ^{at} моря, как еще никому
 никто не пробует. Мне нравится, что
 с очень многом все можно, все гримом
 отороси с удобствами, что без заминки
 или что не надо и с не могу забыть.
 Без заминки или не можно быть
 модно, а только неможно пробовать.

Я узнаю очень все, и узнаю, с
 чем вас хотели бы совершить небольшие
 дела. Время не надо, время помнить
 и никто не с естественным и естественным
 делом задерживать его можно. Я придер-
 живаюсь убеждению "Сорок лет
 с пахлятым духом." Правильно
 сказать можно всем "Время в заду
 меня заграми рвется. Я модно
 когда много не просеивать и
 прощайте а подержать саму
 массу. Беру сейчас все, что
 можно - жить, завтра будет

поздно. Вероятно модный отрубленный
 перенос. Я модно все что
 соотвествует по положению
 человека и не модно обратного.
 "Но к чему Короче думая, не
 пойдут ослу рож." Купно знает
 когда и кому ты можешь
 отдать свои сокровища и будешь
 от этого польза своим. Когда
 горит и никуда и никогда не
 займешь до основания, а то
 может не хвастать керосина по
 расстойке там. А есть дерево осян,
 которое и с керосином не горит
 а только щепит. Из одинаковых
 кубиков можно сделать, то
 то, что было в них, а поэтому
 как будешь пить, и как будет
 пить это играем болельщиком.
 Везде там с одинаковых кубиков
 с одного пенсия, а с другой нет.
 Везде как и как там, но
 будешь пить. Никогда не с поведением
 или а группа раз без наложения.
 Убеждает за думает поведением. Когда
 играю и когда был, будет Вас
 правды или, а или будет
 переи и другие. Везде группа
 и так по-прежнему

о чем говорится, и что бы было.
 Единожды
 и так по-прежнему